

НОВОЕ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИЯН: БУДУЩЕЕ - В НЕРЕАЛЬНОМ ПРОШЛОМ?

Фан И.Б.

*доктор политических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт Философии и права, Уральское отделение Российской
академии наук,*

Irina-fan@yandex.ru

«

Ключевые слова: политическая культура, гражданин, традиция, консерватизм, национальная и гражданская идентичность, символическое единство нации.

В статье анализируются специфические особенности политической культуры россиян в качестве ментальной основы существования гражданина, а также такие ее элементы, как лояльность, патриотизм и идентичность (С. Хантингтон). На основе анализа данных политической социологии делается вывод о том, что и институциональные, и ментальные условия формирования гражданина, и соответственно, гражданской политической культуры, не только не вызрели, но и подвергаются серьезному ограничению и искажающей интерпретации со стороны власти. Политическая культура россиян редуцируется к искусственно сконструированным «традиционным ценностям», хотя научная рефлексия относительно их содержания в официальных документах отсутствует.

Fan I.B. "NEW" in the political culture of the Russians: FUTURE - in an unreal past?

Keywords: political culture, citizen, tradition, conservatism, national and civic identity, symbolic unity of the nation.

The article analyzes the specific features of the political culture of Russians as a mental basis for the existence of the citizen, as well as its elements such as loyalty, patriotism and identity (Samuel Huntington). Based on data analysis of political sociology concluded that institutional and mental conditions of formation of the citizen, and accordingly, the civil political culture, not only ripe, but is largely restricted and

distorted interpretation by the authorities. Russian political culture is reduced to an artificially constructed "traditional values", although scientific reflection on their content in the official documents available.

Социально-политические институты создают объективные условия и возможности для существования гражданина в качестве социального и политического субъекта. Культурные и ментальные факторы - традиции, нормы, символы, ценностные ориентации, социальные установки, стереотипы восприятия и оценки ситуаций, стандарты и модели поведения мотивируют деятельность индивидов и определяют характер функционирования социальных и политических институтов. Точкой пересечения двух рядов факторов является личность как основа феномена гражданина. Гражданин – это публичная роль личности, она подразумевает совокупность прав, то есть возможностей, свобод личности, являющихся обязанностями государства по отношению к личности, и обязанностей – то есть функций личности по отношению к обществу и государству. Причастность публичной власти, участие в ее осуществлении, в прямой форме и косвенной, посредством делегирования части собственной власти представителям, – это определяющая функция гражданина в демократическом государстве. Институциональная основа феномена гражданина – его конституционный статус, ментальная – этос гражданина, или его политическая культура.

Существуют ли в России институциональные основы устойчивого воспроизводства гражданина, реализуется ли конституционный статус гражданина РФ? Реализация такого статуса гражданина зависит от наличия конституционализма в устройстве и практиках государства. В последние годы наблюдается целенаправленное сворачивание конституционных принципов и основ практической деятельности органов государственного управления, в целом ограничение институциональных условий существования гражданина в качестве публичного участника управления обществом и государством, его политических прав и обязанностей. Это свидетельствует о том, что исполнительная власть не нуждается в активном политическом статусе (деятельности, ответственности) гражданина, не видит необходимости в его субъектности ни на государственном, ни на других уровнях. Это происходит на историческом фоне отсутствия

устойчивых традиций и массового опыта участия граждан в деятельности органов местного самоуправления и государственной власти.

Следующий важный вопрос – существуют ли духовные, ментальные условия для развития гражданской политической культуры? Реальная политическая культура является основанием легитимности наличного институционального порядка властвования. Даже в целях конструирования объекта власти необходима опора на реально существующую культуру и ментальные установки населения. Не меньшую роль в политике играет та или иная интерпретация содержания политической культуры конкретного общества, от этого зависит вектор будущего развития. Важно, чтобы сохранялись различные идеологические интерпретации содержания политической культуры, их конкуренция создает возможность более адекватного отражения интересов и потребностей разных групп общества. Однако приходится констатировать, что понятие гражданской политической культуры исчезло даже из официальных деклараций, не представлено в СМИ и практической политике государства.

Один из элементов политической культуры - представления россиян о собственной политической роли. В качестве системы координат для выявления специфики российской политической культуры можно взять понятие гражданской идентичности С. Хантингтона. Гражданственность (политическую культуру американцев) он определяет через политико-правовые, идеологические, культурные, социально-психологические признаки, основу которых составляет англо-американо-протестантская культура, это лояльность, патриотизм и идентичность [7, с. 344]. Лояльность содержит пассивные и активные моменты, обозначаемые понятием гражданского участия. С помощью этих признаков попытаемся оценить состояние политической культуры россиян, выявить наличие и уровень выраженности компонента гражданской активности (участия, или политической субъектности гражданина РФ) в общественном мнении.

Как представлены в общественном мнении пассивные и активные характеристики лояльности? Многолетние социологические исследования Левада-центра фиксируют высокий уровень пассивной лояльности массового индивида в России. Рядовой гражданин не относит себя к власти, даже в качестве ее источника. Власть, персонифицированная в лице президента, в общественном мнении

противопоставляется всей властной элите, доверие к первому уравнивается критическими мнениями о чиновниках всех других уровней власти, недоверием ко всем политическим институтам. Активный аспект лояльности связан с такими компонентами, как интерес к политике, возможность влиять на принятие государственных решений, уровень готовности к активному политическому участию, возможность общественного (гражданского) контроля над действиями властей, степень причастности гражданина государству. Во всех группах опрошенных преобладает слабый («нулевой») интерес к политической жизни, который имеет «зрительский» характер и мало связан с реальным или желаемым участием в политической жизни. Большинство россиян не верит в возможности «влиять на принятие государственных решения в стране». Уровень готовности граждан к более активному политическому участию остается низким[3, с. 8-15; 2, с. 198-212].

Преобладание пессимизма в отношении политического участия выражается такими установками: «все равно ничего изменить нельзя», «политика – не для рядовых граждан», «нет времени для политики», «ничего не понимают в политике», «политика – грязное дело», «не хочется выделяться среди других людей». Общественное мнение отражает и отсутствие институциональных условий для политической субъектности граждан, и недостаточность информации о возможных формах и технологии гражданского участия, и отсутствие привычных культурных норм и стереотипов гражданской активности. В официальном дискурсе последнего времени исчезли даже декларации о демократии, практически отсутствуют формы вовлечения граждан в публичную жизнь. Отсюда и общественный фатализм в отношении возможностей легального отстаивания гражданских и политических прав, отсюда пассивный либо примитивный характер выражения недовольства в моменты возникновения социальной напряженности: «ворчание на кухнях» либо крайние формы выражения протеста (голодовки, перекрытие транспортных путей и т.д.). Это означает, что население не видит легитимных способов решения своих проблем – ни через суд, ни через органы государственной и муниципальной власти. Основой комплекса установок российских граждан по отношению к деятельности органов власти является социально-политическое и моральное отчуждение массового индивида от

общественных и, особенно, государственных дел. Это свидетельствует о реалистичности массового ощущения, констатирующего фактически незначительное место гражданина в нынешней политической системе. Низкая степень причастности власти порождается не только инерцией традиций советской политической системы, но является следствием целенаправленных мер отстранения человека от власти, предпринимаемых в последние годы. К признакам политического участия относится еще и потребность в политических правах, ее испытывает около 10% респондентов. Для населения политическая свобода гораздо менее ценна, нежели материальное благополучие; связь между этими параметрами не улавливается общественным мнением.

Из комплекса характеристик политической культуры гражданина (нации), обобщенных в формуле «патриотизм, идентичность, лояльность», официальный политический дискурс фактически поддерживает лишь лояльность высшему государственному лицу, специфически трактуемые патриотизм и идентичность. Патриотизм, получивший в последнее время гипертрофированную поддержку и значение «безоговорочной любви и поддержки любых решений власти», отождествления достижений Родины (предков, прошлого) и власти, обернулся значительной популяризацией и распространением идей русского национализма [1]. Фактически в публичном пространстве политической коммуникации дискурс гражданского участия вытесняется идеалом «единения народа и власти», символического единства нации [5, с.91]. Вследствие ограничения свободы СМИ и ликвидации условий для достаточной публичной представленности мнения оппозиционных сил, «глас народа» превратился в отраженную копию официального дискурса.

Все большее осознание роли политической культуры населения в формировании трендов российской политики подтверждается самим вхождением данного понятия в официальный политический дискурс. Однако при этом происходит идеологизация данного понятия. «... понятие «политической культуры» выполняет в публичном дискурсе две основные (и взаимосвязанные) функции: оно работает на конструирование коллективных идентичностей (граждан, членов нации, «большинства» и т.д.) и служит для обоснования тех или иных политических программ» [4, с. 119]. Представители консервативных, национально-

патриотических сил, «почвенники» конструируют авторитарно-традиционалистическую модель коллективной идентичности. Политическая культура редуцируется ими к раз и навсегда определенной, специфически «русской» идентичности, определяющими характеристиками которой являются склонность к авторитарной власти и признанию доминирующей роли государства, отсутствие традиций самоорганизации, установки на коллективизм, равенство и справедливость, правовой нигилизм и т.д. Более сложную модель коллективной идентичности представляют либералы-западники. Наряду с традиционными «константами» в современной российской политической культуре они видят сегмент, ориентированный на нормы либерально-демократической культуры [6,с.298].

Идеологи «Единой России» сконструировали модель коллективной идентичности, эклектически соединяющей разные характеристики. Цель данного идеологического конструкта – легитимация действующего политического режима и интеграция общества вокруг президента. Акцент на «русском» (этнически, религиозно и традиционно понимаемом) в этой модели продиктован стремлением вытеснить ценности либерально-демократического проекта реформ и представления о «гражданской» идентичности нации, «возродить» традиции имперского прошлого и «русской» культуры, утвердить в общественном сознании идеал «духовной и культурной самобытности России». Последняя заключается в абсолютной ценности государства, в идеале «единства власти и народа», в вере в Россию как сверхдержаву, в приверженности официальному лидеру страны, соборности, в опоре на традиции.

Примером «формовки» политической культуры, угодной власти, является «Проект основ государственной культурной политики», обсуждавшийся год назад. Это квинтэссенция новой идеологии, манифест нового старого «консерватизма», содержащий архаические представления о национальной самобытности. Подчеркивание сплава почвы, крови (этнической основы), пафос героизма и единения вокруг вождя – все это вызывает тревожные исторические ассоциации. Проект Министерства культуры РФ, цитирующий речи В.В. Путина, порождает множество вопросов и сомнений. В документе дается определение культуры, претендующее на монополию на истину, на окончательную и единственно верную

трактовку данного понятия, и отрицается мировоззренческий, идеологический и теоретический плюрализм. Поскольку это проект Министерства культуры РФ, органа власти, за которым в случае принятия данного проекта последуют определенные санкции, содержание документа усиливается статусом организации, в результате защита этого определения культуры будет обеспечена государственным аппаратом принуждения. За этим открывается логика отрицания реальности – многообразие социальных групп, этносов, религиозных конфессий, культур и субкультур. Качественная неоднородность российского общества выносится за скобки – не только содержательные, но и «скобки» государственного финансирования. Но культура не может пониматься без учета внутреннего содержательного многообразия и исторического контекста. В проекте то, что является сложной теоретической и практической проблемой – объединение, целостность общества, - выступает в качестве нормы, за которой следуют санкции. В Паспорте государственной программы РФ «Развитие культуры и туризма» 2013-20 гг. заложены противоречия длительного негативного действия, например, понятие «единый культурно-цивилизационный код». Тут каждое слово – ловушка, так как интерпретаций у метафор может быть сколько угодно. Вопрос заключается в том, на какой основе будет совершен выбор, в результате которого какая-то из них станет направлением государственной политики. Все эти понятия скорее разобщают, нежели объединяют разные представления о ценностях и традициях.

Может ли выступать православие в качестве общей нормы для самоидентификации? Принятие простого решения означает насилие (как минимум, духовное) над приверженцами всех остальных конфессий. То, что уже провозглашено в качестве нормы в проекте, еще подлежит публичному общественному и профессиональному обсуждению. Весь проект создан ради скрепления нации, но компоненты этих «скреп» вызывают серьезные сомнения. То же и с интерпретацией принципа историзма в качестве антипода мультикультурализма и плюрализма в культуре. Авторы текста неявно основываются на позициях упрощенно понятых теорий культурно-исторических типов и замкнутых цивилизаций (Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби). Фиксируется идентичность, совокупность отличий российской цивилизации, российского культурно-исторического типа культуры от других, а

его внутреннее многообразие, изменчивость, общие черты, связи с другими культурно-историческими типами отрицаются. В основе этого проекта лежит методология линейного понимания истории, финализм в виде «традиционной русской культуры» или традиционных ценностей и т.п. Трудно назвать этот искусственно созданный конструкт консерватизмом. Известны разные исторические версии консерватизма в западных странах и России. Консерватизм в данном проекте вырван из времени и пространства, он содержит многие не определенные точно понятия (например, «традиционные ценности»), в нем отрицаются исторические и культурные трансформации, вариации, изменения, взаимосвязи и взаимовлияния между культурами и цивилизациями. Фактически это антиисторизм, фиксация конца истории. Цивилизационный принцип в проекте тоже используется не для исследования проблемы адаптации заимствованных демократических социальных и политических институтов в специфическом контексте, но в абсолютизированном виде и оборачивается изоляционизмом. Логика их рассуждения оказывается такой: раз не удалась политическая и иная модернизация в России, значит, нужно идти в абсолютно противоположном направлении – отказа от либерально-демократических ценностей. Это тот же маятник русской истории. Но почему не скорректировать путь развития на несколько градусов, почему нужно возвращаться к прошлому, архаизации, традиционализму? Что значит утверждение, что «Россия - уникальная самобытная цивилизация»? Здесь нужен учет взаимосвязи всеобщего – особенного – единичного (уникального), или универсального – локального, взаимодействие разных цивилизаций, процесс их исторического изменения, процессы глобализации. Попутно отметим опасность отождествления русского и российского, понимания традиций (культуры, цивилизации, идентичности, народа) как чего-то неизменного, отождествления культурного исторического кода и генетического кода, имеющих место в данном проекте государственной культурной политики.

Слова о важности принципа преемственности, о «сохранении культурного наследия», чрезвычайно абстрактны. Какие традиции имеются в виду? Что такое традиция? На самом деле в традициях столько неоднозначного, столько исторических и культурных напластований, к тому же наследование и смена

традиций - это во-многом стихийный процесс. В Проекте есть также положение о государстве как активном субъекте культурной политики. Определенное, ограниченное государственное регулирование в сфере культуры необходимо, но бережное, касающееся не столько содержания, сколько возможностей, «правил игры», государственной поддержки тех или иных культурных программ, без претензии на полный контроль, без ущемления автономии других субъектов культуры. Опасность заключается в установлении монополии государства на субъективность, в учреждении цензуры и самоцензуры, отрицании права на существование альтернативных проектов в культуре и искусстве.

Главный смысловой стержень официального дискурса и центральных каналов телевидения в настоящее время – это бинарная оппозиция *свои* («наши») – *чужие*, это оппозиция ксенофобии, национализма, противопоставления, войны. Может ли быть устойчивым курс на воспроизводство авторитарного политического режима, проводимый монопольным субъектом политики? Такой субъект отсекает все каналы «обратной связи» с обществом, лишает возможностей влияния на принятие государственных решений и политического действия все иные общественные и политические силы и движения. Пытаясь установить полный контроль над общественными процессами, такой субъект не учитывает кажимости и неэффективности этого контроля, не видит единства контроля и свободы, управления и самоуправления, единства процессов организации и самоорганизации. «Формовка» политической культуры россиян под исключительную лояльность власти без учета естественного хода ценностной трансформации, многообразия субкультур разных социальных групп внутри нее, без учета стихийных изменений этой культуры, стремление строить будущее на основании некоего искусственно сконструированного прошлого может дать лишь кратковременный эффект легитимации власти. Такой конструкт не может оказаться жизнеспособным в перспективе.

1. Верховский А. Эволюция постсоветского движения русских националистов // Вестник общественного мнения. №1 (107) январь-март 2011. С. 11-35.
2. Гудков Л. Абортивная модернизация. М.: РОССПЭН, 2011.
3. Левада Ю. Общественное мнение в политическом зазеркалье // Вестник общественного мнения. 2006. №2 (82).
4. Малинова О.Ю. «Политическая культура» в Российском научном и публичном дискурсе // Полис. 2006. №5. С. 119.

5. Малинова О. Символическое единство нации?// Pro et Contra. Май-июнь 2012. С.76-93.
6. Путь в Европу/ Под общей ред. И.М. Клямкина и Л.Ф. Шевцовой. М.: Новое издательство, 2008. – 400с.
7. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.